

Надо же было такому случиться – отвернулись от Митьки люди. А за что? За то, что решил говорить правду без всякой там утайки? А как иначе? Надоело лебезить! Вот сосед с натянутой улыбкой изогнулся. «Здравствуй, Полина Матвеевна! – говорит он учительнице по физике. Сын-то у неё учится. – Как Вы красиво смотрите! Какая у Вас причёска... Прямо к лицу...» Та и не подозревает, что за её спиной сосед будет ухмыляться. Платье-то на ней не по моде. Да и причёска... Впрочем, лучше об этом не говорить.

Точно так же, как сосед, и Митька врал. А потом что-то снизошло на него. Вдруг понял, что жизнь плоха из-за того, что нас окружает ложь и лесть. Когда понял, сразу решил говорить только правду. Но стоило начать говорить, люди стали избегать его. Вот и сегодня подошёл послушать, о чём мужики говорят, те сразу в стороны...

Скучно и горько. Выглянув в окно, увидел Петровича. Тот с удочками на плече двигался в сторону реки.

– Как же я про него забыл? – чертыхнулся Митька и поспешил на улицу.

Петрович хороший человек. Он даже с Данилкой, местным дурачком, разговаривает как с равным. Причём на лице ни капли фальши. Вот с кем надо поделиться. Он даст совет.

Заскочив на чердак, схватил запылившиеся удочки и поспешил на речку. Пройдя по извилистой тропинке через колючие заросли шиповника, вышел на берег. Под раскидистым кустом ивы увидел знакомую сгорбившуюся фигуру.

– Ну что, Петрович, клюет? – подойдя, заглянул в бидон. В нём было пусто.

– Похоже, клюнуло, – улыбнулся Петрович.

– Можно, я рядом?.. – принялся расправлять удочки Митька.

– Ну, если рядом, а не возле... – пододвинулся Петрович.

Присев на корточки, Митька молча закинул одну удочку, затем вторую. Говорить не хотелось. Так и сидели – один долговязый, а другой низенький, но крепкий телом.

Клёва не было. Лишь мелкая волна, изредка заходившая в заводь, плавно поднимала и опускала поплавки. В стороне у берега мелодично хлопала ивовая ветка. Немного ниже река срывалась в бег, полируя цветную гальку, а на излучине, ударяясь в зелёно-красный берег, таинственно затихала.

– Не пойму, Петрович, почто люди такие злые? – чувствовалось, что у Митьки наболело на душе. – Я им глаза раскрывать, а они с ненавистью... Для них же старался. Теперь вот хожу, как неприкаянный. Перемолвиться не с кем. И врать не хочу, и жить так нет больше сил.

Неожиданно у Петровича дрогнул поплавок, а вместе с ним удилище. Петрович замер. Замер и поплавок. В напряжении сидели несколько минут. Устав ждать, Петрович выдернул удочку. Над водой завис голый крючок.

– Малявки кружат. Вон и червя обсосали. Не видать нам здесь крупной рыбы, – заметил Митька.

Петрович неспешно достал из консервной банки дождевого червя. Тот извивался и никак не хотел нанизываться на крючок.

– Вишь, как вьётся, – указал Петрович на червя.

– Кому помирать хочется? – сощурил Митька глаза.

– Так и люди. Ты их на крючок, а они...

– Но я же не нанизываю.

– На крючок нет. А вот на язычок...

«Во куда гнёт! Не зря, видать, с Данилкой-дурачком общается. А я-то решил у него совета спросить», – сверкнул Митька глазами на Петровича.

– Так я им правду... – попытался оправдаться он.

– С какого конца?

– Как это?

– Скажи, где у палки начало, а где конец?

– Ну, – задумчиво сдвинул Митька брови. Поплавок резко ушёл под воду, но он этого не заметил. – Где держишься рукой, там и начало.

– А если с другой стороны взяться?

– Ну, если с другой... – стушевался Митька.

– Так и люди. С твоей стороны одна правда, с их – другая.

– Но двух правд не бывает! – резко возразил Митька. – Это даже наукой доказано!

– А как же палка? – поглаживая усы, ухмыльнулся в ладонь Петрович. Митька задумчиво уставился под ноги. Он не нашёлся что ответить. Петрович его не торопил. – Спорят как-то два мужика. Уже друг дружку за грудки хватают. А мимо них почтенного возраста старик идёт. «Рассуди нас, – обращается один из них к старику. – Кто из нас прав?» И рассказывает, из-за чего они спорят. «Ты прав», – отвечает ему старик. «Обожди, дай я расскажу!» – кричит другой и рассказывает по-своему историю. Посмотрел на него старик и ответил: «Да, ты прав». «Но как же так?! Перед этим ты говорил, что я прав, а теперь заявляешь, что он!» – кричит первый. «Каждый по-своему прав», – ответил старик и продолжил путь.

Подняв голову, Митька пусто уставился вдаль:

– Так что же делать? Закрывать глаза и молчать?

– Надо быть самим собой.

– А я что – другой?

– Личину праведника ты надел. Ведь каждый прав в меру своего понимания. А ты поучать. Много ли сам понимаешь?

– Я же им всю правду в глаза, а не как там некоторые за спиной... Я рублю всё сходу! – распалился Митька.

– Пришёл как-то в Оптину Пустынь мужик. Упал перед старцем и взревел: «Батюшка, прости меня грешного!» А тот в ответ: «Сын мой, да я более грешен, чем ты». А тот ещё пуще: «Не смейся, батюшка, надо мной! Ты святой, а я червь навозный!» И стал перечислять грехи. Старец остановил его: «Сын мой, ты чист!»

– Ну как же так? Насколько я знаю, в Оптиной Пустыне одни святые были, – удивился Митька. Тут он повернулся к Петровичу и загадочно, словно раскрывая великую тайну, прошептал:

– А может, мужик раскаялся, вот и сошла с него грязь? Стал чище, чем старец.

– Я тоже так думал. Потом понял: старец видел в мужике то, что в нём самом было. Отражение своё видел он в мужике, как в зеркале.

– Как это?

– А так. Ты являешься тем, что видишь в других! Если ты вор – для тебя все люди воры. Если хам – то и других ты видишь хамами, – как кипятком ошпарил Митьку Петрович.

– Как же тогда быть?

– Самим собой надо быть, – опять повторил Петрович.

Митька замолчал. Только было слышно, как зимородок, сверкая голубовато-фиолетовым оперением, рассекает крыльями воздух. Вот он неожиданно камнем упал в воду и тут же вынырнул с трепещущейся в клюве рыбкой. Проводив взглядом птицу, Митька повернулся к Петровичу:

– Но я хотел как лучше. А что получилось? На меня, как на врага...

– Не от того ли войны случаются?

– Скажешь тоже. Я что, на соседа что ли пойду? Если он, кем бы там ни был, человек хороший, зачем с ним скандалить?

– Петрович молчал. – Тяжело мне на душе, ой как тяжело, – вздохнул Митька и тупо уставился на поплавок. – Даже жить не хочется.

– Разве ты не слышишь, как звучишь?

– Я же не музыкальный инструмент?

– Да взять хотя бы его. Если он настроен – то и звучит хорошо, если расстроен – скверно. Так это инструмент! А взять человека. Как зазвучит, так и люди к нему потянутся! А от тебя бегут. Видать, скверно ты звучишь.

– А что мне делать? Сидеть и молчать?

– Надо не просто прожить жизнь, а пропеть себя в ней. А к хорошей песне люди сами потянутся.

– Как это?

– А так. Идёшь и слышишь: кто-то красиво поёт. Не заметишь, как ноги сами тебя на звук песни приведут. Стоишь и наслаждаешься песней. И певец для тебя красавец. Вдруг после хорошего пения он сквернословить... Красиво ли это?

– Кому это понравится? Уродство какое-то.

– Так что надо в этой жизни красиво пропеть себя. Тогда и люди к тебе потянутся.

«Не потому ли и я к Петровичу?.. – вдруг осенило Митьку.

– Надо бы и мне так, чтобы люди потянулись».

– Ну ладно, мне пора, – встал Митька, и, смотав удочки, направился домой. И когда пробирался через заросли шиповника, не чувствовал жалящих укулов. В голове звучало одно: «Надо успеть пропеть себя! Успеть пропеть! Но не иначе!..»